***

— Слышь, братан, мы ведь просто за деньги работали! Я мамой клянусь, понятия не имею, кто он такой! — заканючил второй бандит, совсем расклеившись, чуть не со слезами в голосе.

— Он не знает. А ты? — Цзян Синь носком сапога пихнул того, что сник первым.

— И я не знаю! Он на встречи всегда с закрытым лицом приходил. По говору вроде южанин. Мы с ним виделись-то всего пару раз.

— Телефон давай.

Забрав номер, Цзян Синь не стал допекать негодяев и, круто развернувшись, ушел.

Вернувшись к месту, где бросил чужой электробайк, Цзян Синь на миг обомлел: там ничего не было. Впрочем, он быстро взял себя в руки. Пропал и пропал — когда владелец объявится, он просто купит ему новый.

В антикварном деле фальшивок и ловушек хватало с избытком, да и Цзян Синь сталкивался с подобным не впервые. Но на этот раз он гонялся за жуликами через несколько кварталов не ради наживы — слишком уж подозрительно всё выглядело.

Цзян Синь поплотнее затянул воротник, выдыхая клубы белого пара в морозный воздух. В голове вырисовывалась вполне чёткая картина того, кто стоял за этой аферой.

Дойдёт ли дело до разборок или нет, но разобраться в происходящем следовало до конца.

Мысли о семье в родном городе отозвались привычной головной болью. Он приехал сюда за редчайшим ценным фарфором, а попал в банальную мышеловку — раритет оказался лишь наживкой.

При первом осмотре вещь была подлинной. При втором — тоже. Но когда дело дошло до сделки и третьего, решающего показа, эксперт-консультант из Павильона Изучения Древностей вдруг сказался больным и не явился.

И если бы Цзян Синь не почуял неладное, не отложил сделку на день и не навел справки, он так и не узнал бы, что его эксперта попросту перекупили.

Вообще-то антиквариат Цзян Синя привлекал мало — он предпочитал венчурное инвестирование и успешно управлял собственной компанией. Если бы не преклонный возраст дедушки, он никогда не взялся бы за дела Павильона Изучения Древностей.

«И всё-таки опыта мне не хватает», — с досадой подумал он.

Предавшего консультанта придётся выгнать. Теперь предстоит искать замену, а в наше время найти по-настоящему толкового, честного и сведущего эксперта по старинному фарфору — задача почти невыполнимая.

Погружённый в мрачные мысли, Цзян Синь растворился в ночной темноте.

***

Поскольку электробайк остался без колес, Сюй Цзючжао не рискнул задерживаться и ремонтировать его с утра — пришлось садиться на междугородний автобус, чтобы вовремя добраться до городка Фэняо.

Весь день думая о разбитом транспорте, он витал в облаках. Сюй Цзючжао даже не заметил косых взглядов мастера Гао и по старой привычке из прошлой жизни на автомате вывел на декоративной вазе сложнейший, изысканный орнамент из вьющихся лотосов.

— Вот это да-а… — раздавшийся над ухом восхищённый возглас заставил Сюй Цзючжао вздрогнуть.

Хлопая глазами, он уставился на собственный «шедевр» и досадно прикусил губу. Не будь рядом свидетелей, он тут же стер бы всю эту красоту без следа.

Похвалу высказал не старик Гао, а мастер обжига фарфора, работавший в том же цехе. Именно его Гао наставлял, когда Цзючжао впервые переступил порог мастерской.

Парня квалифицировали как преемника: Старик Гао был уже в годах, тянуть прежнюю нагрузку не мог, вот и готовил для фарфорового завода Юньвэнь смену.

— Мастер Гао, да ведь это уже можно прямо в печь отправлять! — не сводил глаз со стола Цзючжао тридцатилетний мастер обжига фарфора по имени Фэн Чжунбао.

— Угу, — сдержанно кивнул Гао, хотя на самом деле от изумления у него перехватило дыхание.

В душе старика бушевал ураган эмоций. Чтобы добиться такой безупречной, летящей линии в резном орнаменте, у него ушли десятилетия упорного труда. А сколько раз тренировался этот юнец? От силы пару десятков!

Наряду с гордостью за то, что молодежь утирает нос старой гвардии, в глубине души мастера уколола горькая зависть: ну и талантом же обделила его природа по сравнению с этим мальчишкой…

Смятение мастера Гао оставалось невидимым для окружающих, но Сюй Цзючжао отлично всё понял.

Он сам прошёл весь путь от бесправного подмастерья до мастера и прекрасно знал, каких трудов стоит эта лёгкость резца. В прошлой жизни у него ушли годы на то, чтобы орнамент выходил столь изысканным и чистым. Поставь он себя на место старика — видя, как какой-то мальчишка за пару месяцев выдаёт результат лучше, чем у ветерана с десятилетним стажем, — он и сам умылся бы горькими слезами.

Но дело было сделано. Маски сорваны из-за элементарной рассеянности, и Цзючжао теперь банально не знал, куда деваться. Разыгрывать скромность — лишь злить людей, а принимать восторги как должное — и вовсе вопиющая наглость.

«И всё из-за того проклятого грабителя!» — в сердцах подумал Цзючжао, сваливая всю вину на ночного незнакомца.

Впрочем, мастер Гао за свою жизнь видал всякое. Поборов секундную слабость, он искренне порадовался, что у их ремесла есть будущее.

Но одновременно с этим зародилось и твёрдое решение: такому самородку, как Сюй Цзючжао, нельзя закисать под его началом.

А вот Фэн Чжунбао был куда моложе, и все его зависть и восторг были написаны на лице:

— Ну ты даёшь! Это же уму непостижимо! Сколько ты вообще учишься?! Молодое поколение сминает старое, как волна берег!

Старик Гао сурово нахмурился и влепил ему ощутимый подзатыльник:

— А я тебе сколько твердил: приходишь домой — не баклуши бей, а руку набивай! Стоит за ворота выйти — и всё, ветер в голове, без палки палец о палец не ударишь! Поучился бы у Сяо Сюй — парень ни минуты впустую не теряет! — Гао повернулся к Цзючжао и со знанием дела добавил: — Небось по вечерам до полуночи над заготовками сидишь?

Что оставалось отвечать Сюй Цзючжао? В свободное время он либо пропадал в книжных, либо корпел над прописями. До фарфора ли ему было?

Делать нечего — пришлось молча кивнуть.

— То-то и оно! — победоносно ухмыльнулся Гао. — Базовые формовочные работы тобой освоены. Пора переходить к загрузке печи и обжигу. Сейчас технологии ушли далеко вперёд: помимо традиционных дровяных и угольных печей появились электрические. В отличие от старых методов, электрическая печь дает более высокую температуру. Фарфор получается

плотным, глазурь ложится без пузырей, но у неё есть недостаток — избыточный стеклянный блеск. Ей не хватает той мягкости и глубинного тепла, какое дают дровяные или угольные печи.

Сюй Цзючжао ловил каждое слово. Посещая книжные магазины, он успел начитаться об этом, но сухая теория не шла ни в какое сравнение с живым объяснением мастера.

На фарфоровом заводе Юньвэнь имелись и электрические печи, и даже компактные электрические гончарные круги — Цзючжао уже успел с любопытством их осмотреть.

Но помимо электрического оборудования в цеху стояла и классическая дровяная печь яйцеобразной формы.

Такие печи были самым распространенным зрелищем в Цзиндэчжэне — фарфоровой столице Поднебесной. Цзючжао знал их как свои пять пальцев.

Для партии имитаций антиквариата мастер Гао заложил температуру порядка 1200–1600 градусов. После загрузки заготовок требовалось постепенно поднять температуру до пиковой. В зависимости от размеров изделий и состава глазури процесс обжига занимал от трех до семи дней.

Закончив с загрузкой и розжигом, мастер Гао отпустил Цзючжао: на вывод печи в оптимальный температурный режим уходили целые сутки, и дежурить у топки пока не требовалось.

Сюй Цзючжао воспользовался паузой и отправился выручать свой транспорт. Катя изуродованный электробайк в ремонтную мастерскую, он надеялся на лучшее, но механик заломил сумасшедшую цену — пятьсот юаней! Сердце Цзючжао облилось кровью. После долгих и отчаянных торгов цену удалось сбить до трехсот восьмидесяти.

Цзючжао скрипел зубами с такой силой, что имя Цзян Синя мысленно было перетёрто в порошок.

Впрочем, Цзян Синь был ни в чём не виноват: он вовсе не собирался уклоняться от возмещения ущерба. Вот только Сюй Цзючжао до сих пор понятия не имел, насколько важна в современном мире сотовая связь.

И виной тому были обстоятельства, в которых он оказался после пробуждения.

Сначала, в палате интенсивной терапии, врачи строго запрещали У Цзюли пользоваться телефоном, и тот дисциплинированно ни разу не достал аппарат.

В детском доме ректор У тоже обходилась без мобильного — пользовалась стационарным, а у

сирот и подавно не было денег на подобные игрушки.

А когда Цзючжао попал на фарфоровый завод, выяснилось, что мастер Гао хоть и не выступал против прогресса, но терпеть не мог древние кнопочные аппараты. Он наотрез запретил пользоваться телефонами в рабочее время и сам никогда не носил их с собой. Если кому-то требовалось связаться с мастером, звонили на рабочий стационарный телефон завода, и дежурный посылал за ним гонца.

Так Сюй Цзючжао и упустил момент, когда мог бы осознать всю колоссальную пользу мобильной связи.

Разумеется, на улицах и в книжных лавках он видел людей, прижимающих к уху темные прямоугольники и разговаривающих со своими ладонями. Но когда врач в реабилитационном центре учил его узнавать предметы по карточкам, там были изображены древние модели. Ныне же все вокруг пользовались смартфонами.

И совсем уж иронично вышло то, что доктор положил карточку с телефоном в один ряд с MP3-плеерами и пультами от телевизора! Так что Сюй Цзючжао, зная лишь диковинное название, абсолютно не понимал назначения устройства, и его б/у «Нокиа» так и осталась гнить на самом дне чемодана.

http://bllate.org/book/42458/5440887